

Бондаренко О.Ю., магистрант
Московский государственный университет

ШУТЫ И ИХ КОРОЛИ НА СТРАНИЦАХ ИСТОРИИ И ЛИТЕРАТУРНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

«Дурацкая» история, или история шутовства, началась еще в Древнем Египте, где, как считается, у фараонов пятой династии появились первые придворные шуты. Это были, в основном, карлики. В Римской империи в домах патрициев было принято держать дурачков и увечных для развлечений во время пиров. Кроме того, популярностью пользовались театральные актеры и странствующие комедианты. Как отмечает Дэвид Вудфорд, они были предшественниками придворных шутов в средневековой Европе. Преследуемые за слишком резкую критику властей актеры часто «были вынуждены бежать за пределы империи в поисках новых зрителей и большей свободы» (*'to flee and spread across the frontiers of the empire in search of new audiences and greater freedoms'*, Woodford, 2), и так расширялись границы «шутовских владений». Сам факт того, что комедианты могли преследоваться наравне с политическими преступниками, говорит об уже существовавшей в античности амбивалентности шутовства: с одной стороны, это игра и развлечение, с другой – способ критически оценить общество. Так постепенно закрепляется восприятие шута в роли бунтаря, которое восходит к мифологическому наследию античности.

Вудворд упоминает, что европейский шут наследовал не только античным актерам, но и бардам Галлии и Германии – отсюда красочные костюмы, пение под аккомпанемент арфы или виолы, состязания в ловкости и жонглирование. Подмостками для их театральных действий были рыночные площади во время ярмарок и пиршественные залы рыцарских замков. Самые способные оставались при дворах аристократов, и даже епископы

и аббаты не пренебрегали шутовскими услугами.

В средневековье содержать шутов при дворе настолько вошло в обычай, что имена некоторых французских и английских монархов вошли в историю вместе с именами их шутов. В Англии король Эдмунд Второй Железнобокий (980–1016) в течение всего времени своего правления держал шута по имени Гитард (Hitard). При дворе английской королевы Елизаветы Первой жила знаменитая карлица Томазина (Thomasina), роскошеством нарядов не уступавшая даже своей хозяйке. Здесь можно было бы привести еще много примеров. О королях и их шутах (или точнее было бы сказать о шутах и их королях, ведь дурацкий колпак зачастую оказывался влиятельней самой короны) написан ряд серьезных английских и американских исследований, например, «Социальная и литературная история шутовства» Уилсфорда (Enid Wilsford. *'The Fool. His Social and Literary History'*), «История придворных шутов» Дорана (Dr. Doran. *'The History of Court Fools'*) и др. Не менее интересны произведения, написанные комическими актерами шекспировской эпохи, когда «шутовской» мир предстает глазами самого «шута». Это, прежде всего, книги, предписываемые Роберту Армину (Robert Armin, 1580–1612), актеру труппы лорда Чемберлена. Армин создает своеобразную классификацию «дураков», делаясь дорожными впечатлениями бродячего актера. Так появляются книги *'Foole Upon Foole'*, а затем *'Nest of Ninnies'*. Для данной работы важно, что в «Коллекции простофиль» Армин создает образ дурашливого философа, или «философа-дурака» (*'philosopher-fool'*). Этот образ родственен шекспировским шутам, в роли которых вы-

ступал на сцене сам Армин, скорее всего, и вдохновлявший Шекспира на создание этих персонажей. Так Армин сыграл шута короля Лира, Оселка из «Как вам это понравится» и Фесте из «Двенадцатой ночи». Все три персонажа уже далеки от шутов, развлекающих господ в часы скуки. Их шутки у тех, кому они понятны, вызывают не широкую улыбку, а, скорее, горькую усмешку. В диалогах шута со своим господином шекспировский шут часто говорит о своей глупости и охотно называет себя дураком, зная, что он доказывает при этом недалекость своего хозяина. Оселок в ответ на замечание Розалинды о том, что он говорит умнее, чем полагает, изрекает: «Да, я никак не замечаю собственного ума, пока не зацеплюсь о него и не переломаю себе ноги (Шекспир, II, 20).

В таких «дурацких» спорах господ со своими шутами истина рождается из игры слов, парадоксальных утверждений, случайной шутки:

Оселок: Очень жаль, что дуракам нельзя говорить умно о тех глупостях, которые делают умные люди.

Селия: Честное слово, ты верно говоришь: с тех пор, как заставили молчать ту маленькую долю ума, которая есть у дураков, маленькая доля глупости, которая есть у умных людей, стала очень уж выставлять себя на показ (Шекспир, II, 11-12, перевод Э.Линецкой).

TOUCHSTONE

The more pity, that fools may not speak wisely what wise men do foolishly.

CELIA

By my troth, thou sayest true; for since the little wit that fools have was silenced, the little foolery that wise men have makes a great show (Shakespeare, 613).

Фигура придворного шута воплощает собой амбивалентность дурачества, цель которого оказаться смешным самому, для того, чтобы высмеять другого. Шут всегда должен находиться подле короля, чтобы монаршая мудрость, глядя изо дня в день на дурацкий колпак, опасалась ненароком про-

менять на него свою корону. Но у шута есть еще одно предназначение: он самый верный слуга своего господина, а господин, самый верный слуга которого – шут, и сам далек от мудрости. Так, шут короля Лира заявляет, что иначе как в роли шута оставаться верным безумному королю невозможно: «Этот чудак прогнал двух своих дочерей, а третью благословил против своей воли. Служить ему можно только в дурацком колпаке» (Шекспир, II, 441, здесь и далее перевод Б.Пастернака).

Антиномичность мудрого «дурачества» проявляется еще в том, что шут может предложить королю поменяться с ним ролями. В этом абсурдном и опасном для шута предложении нередко скрывается пророчество: потеряв мудрость, король рискует расстаться и с властью, и с самой жизнью, как это случается с Лиром. В конце первого акта шут говорит Лиру: «Из тебя вышел бы хороший шут», но тут же добавляет: «Если бы ты был моим шутком, дяденька, я бы всегда колотил тебя за то, что ты состарился раньше времени...тебе нельзя было стариться, пока не поумнеешь» (Шекспир, II, 445-446). Тема притворного и истинного безумия и их отношения к власти сквозная для трагедии. Уже сойдя с ума, Лир разговаривает с Эдгаром, притворяющимся безумным, и шутком:

Шут

Скажи, дяденька, какое званье у полоумного? Дворянин он или простолудин?

Лир

Король, король!
(Шекспир, II, 462).

FOOL

Prithee, nuncle, tell me whether a madman be a gentleman or a yeoman?

KING LEAR

A king, a king! (Shakespeare, 907).

У Шекспира двойственность сознания безумия достигает апофеоза. Лир, в безумном бреде призывая «полоумного Тома» (Эдгара) судить его дочерей, называет его «сведущим судьей», кем Эдгар и является на са-

мом деле. Шута Лир тоже приглашает в судьи, обращаясь к нему как к «мудрецу» (Шекспир, II, 462). Мудрец-шут, видя, что его король лишился рассудка, поддерживает игру в суд над дочерьми:

Лир

Это Гонерилья. Клятвенно утверждаю перед этим почтенным собранием, что она пинками вытолкала бедного короля, отца своего.

Шут

Подойдите, сударыня. Ваше имя Гонерилья?

Лир

Она не будет отрицать этого.

Шут

Простите, пожалуйста: я вас принял за скамейку.

(Шекспир, II, 463).

KING LEAR

I here take my oath before this honorable assembly, she kickt the poor king her father.

FOOL

Come hither, mistress. Is your name Goneril?

KING LEAR

She cannot deny it.

FOOL

Cry your mercy, I took you for a joint-stool (Shakespeare, 907).

Шут на этот раз не противоречит королю, как будто иронически подтверждая, что в этом жестоком мире справедливость можно найти лишь в игре обезумевшего сознания, пусть же она восторжествует хоть в этой игре. Герой романа Кизи Макмёрфи тоже обратится к игре безумия, когда сядет вместе с другими пациентами отделения перед экраном выключенного телевизора «смотреть» чемпионат по бейсболу. Итак, безумие оказывается последним прибежищем для того, кто потерял веру в законность существующего миропорядка и чувствует, что утлое суденышко его разума тонет в океане хаоса, так что пора пересаживаться на Корабль дураков.

Таким образом, история антиномии «мудрость – безумие» уходит кор-

нями в древние культуры. Она богато представлена в Библии, где дает целый ряд антитез: безрассудство – рассудительность, порочность – праведность, страх Божий – игнорирование Бога, привязанность к материальным благам – стремление к духовным ценностям, самоуверенность – смирение, многословие – лаконичность, лживость – правдивость и т. п. При этом теза – антитеза находятся в сложных амбивалентных отношениях, которые в каждом конкретном тексте приобретают особые взаимоотношения.

Античная и мифологическая традиции предполагают свой ряд антитез в виде мифологем, среди которых наиболее важны для данной работы пары «шут – царь», «раб – господин», «смерть – возрождение», а также ритуальные мифологемы, внутри себя включающие антиномию, такие, как сатурналии брака. По существу, акценты, заданные античной, мифологической, библейской, литературными традициями, дают верный ключ к пониманию шутовства в истории культуры и литературы. Проведенный анализ позволяет выделить целый ряд функций шутовства: развлекательную, социально-критическую, пародийную, познавательную, ритуальную, поучительную. Сами функции тоже порой вступают друг с другом в антиномичные отношения, иногда их можно увидеть в их сложном взаимодействии, т.е. можно говорить об антиномичности как понятия, так и мифологемы, и функциональной многозначности мудрости и безумия.

Түйіндеме

Мақалада антикалық, мифологиялық, діни, әдеби дәстүрлерді қалжың-мазақтың мәдениет пен әдебиет тарихындағы орнын түсінудің негізі ретінде қарастырады.

Conclusion

This article is dedicated to the main accent presented by antique, mythological, bibal and cultural traditions, giving the clue to the understanding of jokiness in the history of culture and literature.